

Кругозор 71

ЧЕРТА ХАРАКТЕРА — ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Рассказ об одном дне
депутата сельского Совета коммуниста
Анны Евгеньевны Крапивиной

Утром Анна Евгеньевна печь не топит. Согреть на плитке чаю, Катюшу, семилетнюю дочь, напоит, в школу проводит, а сама скорее, скорее подхватится и бегом... Хозяйство у Анны Евгеньевны малое — две комнаты и кухня в доме, где почта: Яков Прохорович — муж Анны Евгеньевны — связист, и дали им при почте квартиру, а сами не строились. В Долгощелье дома большей частью старинной постройки, двухэтажные, под одной крышей и изба и двор. Залютует зима, занесет под крышу, ветер задует с Белого моря — из дома можно и не выходить: все под рукой — и дрова, и сено, и снотина. Но зато хозяйство такое требует рук и постоянного глаза. А разве видел кто-нибудь, чтобы у председателя сельсовета время в лишнее было? Вот и у Анны Евгеньевны нет. И то счастье, что хозяйство не бременит. У Анны Евгеньевны походка легкая, быстрая. Но и село немалое, вытянулось вдоль щельи-берега — с одной стороны река, по которой приливы ворочаются, а с другой болотина подпирает, и Анна Евгеньевна торопится, чтобы успеть к интернату в девять, как накануне было условлено с Гришей-ненцем. Гриша оказался на месте, от бревен снег уже отгрел. Анна Евгеньевна и Гриша попеременно постучали валенками по срезу, договорились, как окантовывать, а потом уложить и укрепить скобами. Конечно, окантовать заранее бревна, чтобы, если деньги выделят, строительство столовой интернатской еще в

этом году начать, окантовать и обескорить можно и на пилораме, но у Анны Евгеньевны на бумажке подсчитано: и за пилораму придется платить, и за трактор, так что с Гришей уговориться дешевле, тем более что у Гриши жена хворает, лежит в сельской больнице.

Снорым шагом мимо мостков по улицам, сплошь заметным, Анна Евгеньевна двинулась было в сельсовет, но по дороге нога притопнулась: стоит дом нетопленный, а из окон вроде плач. Ах, Наталья Петровна, Наталья Петровна, не дождала! Надобно же случиться беде, занемогла, печь закрыть поторопилась, угорела... Сын у нее Витя в Москве, в аспирантуре, за него переживала, дом ему берегла. Прошлым летом, вспомнила Анна Евгеньевна, когда в школе ремонт шел, то приходилось ей по три раза на дню в школу бегать. А Наталья Петровна тоже ремонтировалась и каждый раз не утерпит, остановит, скажет Анне Евгеньевне: «Зайди, девка, взгляни, так ли делаю...» Заходила, смотрела, помогала...

Но только Анне Евгеньевне грустные мысли от себя гнать надо. С ними рассуетишься. А у Анны Евгеньевны час важный — ловить по телефону Мезень, чтобы насчет строительства ветпункта договориться. И когда Анна Евгеньевна об этом вспомнила, то озаботилась, потому что вчера проводила она исполком по животноводству, пригласила на него из колхоза, так как председатель болел, заместителя Сергея Степановича, зав. МТФ и всех докторов. Вечером, в восемь, пришли, сидели и горячо дело обсуждали, хотя у самих доярок дома коровы еще не доены. Разные проблемы решали: и чтобы силос трамбовать, и говорили о том, что в сене кальция и протенна не хватает, и отсюда в ослабленном стаде болезни. Но тут Семен Андреевич, колхозный парторг, сказал: «Надо не только на кальций кивать, но и оздоравливать стадо, следить, чтобы больше лучших телочек от лучших и удойных коров оставлять в колхозном стаде». И все здесь вроде загалдели.

А потом речь зашла про ветпункт. Сергей Степанович попрекнули, что когда на строительство райисполком давал деньги, то колхоз свою стройбригаду на другие нужды бросил, а в этом году райисполком не предлагает и колхоз не строит. Сергей Степанович было огрызнулся в таком смысле, что животноводство в колхозе — отрасль подсобная, а главное — рыба, но Анна Евгеньевна здесь Сергея Степановича пресекла: «Подъем животноводства — дело сейчас государственное, всенародное, и мы вам, Сергей Степанович, не позволим своевольничать».

Сразу после обеда Анна Евгеньевна заспешила на другой конец села. Плотники из стройбригады работали хорошо, но леса не хватало, и Анна Михайловна направлялась в колхоз договориться насчет лошади.

В колхозе, в правлении, — отгрохали новое здание с большой, писанной маслом картиной над входом: сейнер, а вокруг разбушевавшаяся стихия. — Сергей Степанович насчет лошади дал согласие. Анна Евгеньевна на всякий случай о цене справилась: «Три рублика за день?»

— Три рублика — это для колхозников, а для учреждений — пять. А потом, Анна Евгеньевна, вы же знаете наше положение...

Анна Евгеньевна вздохнула, потому что положение знала: простоял колхозный сейнер в ремонте вместо четырех месяцев, как обещал завод, одиннадцать. А сейнеров в колхозе два — они и есть главные добытчики. Ну, да ладно. Анне Евгеньевне сейчас некогда: скоро собирает в сельсовете школа родительский комитет.

На родительский комитет сошлись все дружно и говорили горячо, потому что о самом главном — о детях. Директор школы Александра Степановна подвела итоги учебы, назвала всех трудных и перспективных. Смотрела на нее Анна Евгеньевна и думала, что помнит она Александру Степановну еще совсем молодой, с носами, и как школу они строили и как кирпич выгружали...

А день уже кончился. Темнота давно окна и двери приперла, всех свое хозяйство звало. Поговорили еще немножко, разошлись. Анна Евгеньевна уходила из сельсо-

У
ВРЕМЯ ПРЕДСЪЕЗДОВСКОЕ

САМОГО
БЕЛОГО
МОРЯ

вета последней. У двери руку подняла, чтобы выключателем щелкнуть, и, как всегда, посмотрела на карту. Наверху на школьной карте было написано: «Союз Советских Социалистических Республик». А пониже надписи, на самом краю обитаемой земли, — за дальность такой почет — обозначено село Долгощелье. И она, Анна Евгеньевна, персональную ответственность несет — и как депутат и как коммунист, чтобы люди в Долгощелье жили добросовестно, сытно, духовно богато и выполняли план. И Анне Евгеньевне жить надо так, чтобы не ошибиться, потому что в ее заботах люди видят заботы партии, государства, воспринимают их как родное, кровное. Анна Евгеньевна шла домой, торопилась: печь надо было топить, проверить уроки Катюшкины — и, как всегда, привычно по пути думала. Что отбыла она уже два созыва и что на такое ответственное место нужно теперь не как она, с семью классами, человека выбирать, а с высшим образованием. Потому что и прав у сельсовета и ответственности много. Но Анна Евгеньевна в тот момент не брала в расчет одного: главное для депутата все же мудрое и доброе сердце.

С. ЗИНИН,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Фото автора.

Село Долгощелье,
Мезенского района,
Архангельской области

«Я ЖИТЬ ХОЧУ, ЧТОБ МЫСЛИТЬ И СТРАДАТЬ», — воскликнул Пушкин за семь лет до своей безвременной гибели, и сегодня это звучит как его творческий лозунг.

В знаменитой «Элегии» 1830 года Пушкин как бы зачеркивает мрачное уныние ее начала и утверждает трагическую конфликтность жизни и суровое мужество творческого дела и долга.

Я ЖИТЬ ХОЧУ, ЧТОБ МЫСЛИТЬ И СТРАДАТЬ — навсегда останется в русской поэзии. Не пройдет и двух лет — то же самое, но по-своему повторит юный Лермонтов:

Я жить хочу! Хочу печали
Добру и счастью назло...
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бурн океан?..

Боевой лозунг «Элегии» снопом прожектора освещает самые крутые вершины пушкинской поэзии. Его свету багряным всполохом отвечает знаменитый итог «Цыган», которые завершали пушкинский романтизм:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!
И под издранными шатрами
Живут мучительные сны,

И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед,
И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

В том же свете с гипнотической силой проясняется значение песни Председателя из «Пира во время Чумы»:

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю,
И в разъяренном океане,
Средь грозных волн и бурной тьмы,
И в аравийском урагане,
И в дуновении Чумы.

Но кто же с детства не помнит этих строк! Все это звучит в одном свойственном Пушкину музыкальном ключе. Все льет воду на одну мельницу. Везде утверждается: жизнь упорительно грозна и прекрасна в силу неизбежной в ней борьбы. Человек, — если он действительно человек, а не растительная тварь-обыватель, — обязан быть героем. И жаждет быть героем. Та же мелодия, по-разному инструментованная, звучит и в одержимости Германна, рискующего добрым именем и головой, когда он выпытывает у зловещей и вредной старухи ее картежную тайну, и в судорожно нелепом бунте маленького чиновника,

АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН:

ПОЭТЫ О КЛАССИКЕ

которого Пушкин не счел нужным снабдить даже фамилией, — ведь и здесь «упоеание в бою» служит доказательством силы человека даже в том случае, когда ему сужден плачевный конец, как бедному Евгению в «Медном всаднике».

Наконец, то же утверждение мы услышим в знаменитой сказке Пугачева, услышим в разгар стихийного крестьянского мятежа, в отсветах пожара, бушевавшего тогда по всему востоку Европейской России. Это сказка о том, что не пристало орлу питаться мертвечиной: «Чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!»

Примеры и соответствия того же рода можно значительно расширить. Но дело не в них, а в том, что боевой лозунг поэтического творчества соответствовал самой жизни поэта! Ее не уравновесил ни семейный быт последних лет, ни любимый труд, ни видимость признания. И, разумеется, меньше всего уравновесила царская «лакса» — камер-юнкерский мундир, столь оскорбительный для поэта.

голову, что бы там ни было, не смиряйся!»

Незачем гадать, что Пушкин практически сделал бы, доживи он до преилонных лет, что написал бы, как изменился. Но зато мы отчетливо знаем, что в громовых раскатах лермонтовской гражданской лирики он угадал бы развитие, продолжение и преодоление себя; что в «Мертвых душах» прочел бы завершение своей же «Истории села Горюхина»; что в бледном, искаженном судорожным отчаянием лице Раскольникова узнал бы своего Германна; что грандиозная эпопея «Войны и мира» соответствовала самым заветным замыслам последних лет пушкинской жизни, его историческим изысканиям; что в прозе Тургенева, Чехова, Гаршина он признал бы точность своего рисунка, свой синтаксис.

Наконец, читатель, наверное, уже догадался, что, как в зеркале, узнал бы Пушкин себя в горьковском: «Человек — это звучит гордо!»

Бессмертие Пушкина не только в бронзовых статуях, не только в миллионах и миллионах его тиражей, не

Памятник А. С. Пушкину в Ленинграде. Фото Л. Лазарева

Картины П. Антокольского по произведениям А. С. Пушкина «Бесы» и «Моцарт и Сальери».

Кому труд обывателя и моря

Жизнь Пушкина меньше всего похожа на жизнь того обывателя, который

...в двадцать лет был франт иль хват,

А в тридцать выгодно женат...
О ком твердили целый век:
N.N. прекрасный человек.

Этого «блаженства», слава богу, в жизни Пушкина не было!

«На свете счастья нет, а есть покой и воля» — таким был итог его жизни, короткой, стремительной, отчаянно дерзкой. По сути дела, в этом итоге выражен разлад между поэтом и всем окружающим, всеми внешними обстоятельствами, которые лишали Пушкина покоя и воли! Но отказ от счастья, утверждение, что его вообще на свете нет, требование покоя и воли есть не что иное, как еще раз повторенное желание жить, «чтоб мыслить и страдать».

Достоевский в своей знаменитой речи при открытии пушкинского памятника в Москве, в речи действительно замечательной, вывел такой итог из пушкинского жизненного дела: «Смирись, гордый человек!»

Мы выводим итог диаметрально противоположный: «Не смиряйся, гордый человек! Не сдавайся, выше

только в школьно-хрестоматийном его образе, не только в каких бы то ни было иконах или иконостасах, которыми хоть пруд пруди. Бессмертие Пушкина в том, что сам его голос никогда не перестает звучать в русской поэзии и культуре в целом, в самой русской истории. Если этот голос даже изменялся, то в противоположность многим другим голосам изменялся исключительно в сторону полной узнаваемости: его узнавали все ближе и ближе, все разнообразнее и многообразнее.

Особенно справедливо это по отношению к нашему времени, к более чем пятидесятилетнему жизни советских поколений. Да, мы вправе гордиться тем, что Пушкина хватило и на нас!

Каждый деятель советской культуры, как бы ни были ограничены или скромны его силы, по-своему и по-новому продолжает дело Пушкина. Мы остаемся верны Пушкину не только как первой своей любви, но и как непрестанно звучащему в душе голосу правды и совести.

Я осмеливаюсь кончить эту прозу своими поэтическими строками, сложенными в честь Пушкина так давно, что в этом как-то неловко признаться, — больше сорока лет назад:

Не смертельна горячая рана,
Не кончается жизнь. погоди!
Не светает еще: слишком рано.
Столько дела еще впереди!

Мчится дальше бессонная стужа,
Так постой! Оглянись хоть на миг.
Он еще существует. Он тут же,
В наших комнатах, в книгах самих.

Это жизнь, не застывшая бронзой,
Черновик, не вошедший в тома.
О, постой! Это юность сама.
Это в жизни прекрасной и грозной
Сила чувства и смелость ума.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Четвертая звуковая страница.
Александр Сергеевич Пушкин:
«Дорожные жалобы»
«Для берегов отчизны дальней»
«Заклинание»
«Элегия».
Читает Павел Антокольский.

Леонид ПЕРВОМАЙСКИЙ

карусель

Где вы, детства праздничные кони?
В даль какую время вас умчало?
На каком вы нынче перегоне,
Где найти вас, вороных и чалых?

Как догнать вас, быстрых
и гривастых,
С золотыми седлами на спинах?
Стал я в сновиденьях слишком часто
Видеть вас — друзей моих старинных.

Не поют серебряные трубы,
Пышные султаны не мелькают,
И копыта из булыжника грубых
Сказочный огонь не высекают.

Память, как дорожка беговая,
Вы по ней ко мне скачите, кони,
Я вас, как бывало, приласнаю,
Сахарком побалую с ладони.

Музыка гремит, звенят литавры,
Шпарят: «Во саду ли, в огороде...»
С палицами в кулаках кентавры
Пролетают при честном народе.

В фонарях ацетилен бормочет,
И гремит мороженщица жестяной.
А упряжки скачут и топчут,
Поражая гордою осанкой.

Раздувают щеки тромбонисты,
Обжигает горничных веселье.

Фейерверки, ленты и мониста,
Вечное вращенье карусели!

Я вас помню, серые, гнедые,
Звон подков, медяшки на подпругах,
Гривы, встречным ветром завитые,
Ваш полет по замкнутому кругу.

Ухватиться бы и мне за гриву —
И — в седло, чтоб в этой крутоверти
Под раскаты музыки счастливой
Лихо мчаться аж до самой смерти.

Пусть не гаснут световые пятна!
Над горами, над полями мне бы
Пролетать легко и многократно,
Устремляясь в праздничное небо.

В то, давно забытое, ночное,
В тот зенит, что бомбами не взорван,
Где, пленяя древней чистотой,
Влещут звезды, спелые, как зерна.

Кони вороной и серой масти,
Свой виток свершая, на орбите
Задержитесь — это в вашей власти —
И меня с собою захватите.

Унесите от забот и бедствий...
Разве эта просьба мало значит?
Но кружится карусель, а детство
В стороне стоит и тихо плачет.

Перевел с украинского
Я. Хелемский

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

на рассвете

Влиже к рассвету две птицы
Вспорхнули. Трава поднялась.
Обними меня и держи.

Белые руки и белые реки
Ласкают меня
И текут сквозь меня,
И долгая жизнь
Укрыта в детской кровати.
На рассвете нету теней.

Земля прилетает
Вместе с горами,

С рощами и городами
И, тяжело дыша, падает под ноги.

Придется встать и подать ей
Воду и хлеб.

Перевел с литовского
В. Корнилов

Абдулла АРИПОВ

память

Уже лет десять или даже боле
Не видел я родимого угла.
Мои следы песок засыпал в поле,
Моя тропа травой поросла.

Я на стволе чинара молодого
Свое когда-то имя начертил.
Но, словно рана, затянулось слово,
И ствол окрепший слово позабыл.

За этот срок мой край переменялся.
Наш старый мост разрушила вода,
Из земляков кто умер, кто женился,
Кто прочь ушел неведомо куда.

Смешно несправедливость видеть
в этом,

Никто не остается молодым.
Закон извечный движет белым светом:
Кто отжил век, сменяется живым.

Но неужели занесло песками
Все прошлое мое, как в поле след,
И поросло сплошными сорняками
Все то, что сделал я за много лет?

Ужели место занято другими,
И позабыт я в отчей стороне,
И, словно на чинаре, стерлось имя
В сердцах людей, поныне милых мне?

Ужель от юности моей зеленой
На свете не осталось ничего,
И рухнул мост, когда-то наведенный
К сердцам людей от сердца моего?

Безжалостна и неподкупна память.
Ей нас судить своим судом.

Она
Изо всего содеянного нами
Лишь истинное оставляет вольна.

Перевел с узбекского
Н. Гребнев

ГОЛОСА
НАШЕЙ
БИОГРАФИИ

МОСТ

*23 февраля 1921 года в Москву ушла телеграмма:
«Дорогой Владимир Ильич,
мы, строители Пойлинского моста, пограничного между
Грузией и Азербайджаном, все рабочие, крестьяне...
и железнодорожные рабочие, всего в количестве
1 200 человек, по окончании работы, открыв
движение поездов по восстановленному мосту,
приветствуем вождя международного братства
и мировой революции товарища Ленина.
Мы постановили назвать Пойлинский мост, восстановленный
грузинскими рабочими руками всего лишь в четыре дня,
Ленинским мостом, чтобы этот мост был первым
памятником дружбы совместной работы грузинских
и русских пролетариев и соединил бы обе эти нации
так же крепко, как мы соединили оба берега р. Куры.
Дорогой вождь мировой революции товарищ Ленин,
не забывайте, что по мосту грузинский народ стремится
к Вам, как своему освободителю рабочих
и крестьян всего мира».*

Я внушаю себе: клетчатое металличе-
ское тело моста и сейчас выгнуто
взрывом. Вон у грузинского берега
на пологую отмель легла круглая,
приподнятая его голова, прямое ту-
ловище тянется к Азербайджану. Аб-
рис современной конструкции я пы-
таюсь приладить к представлениям о
том давнем дне. Хотя знаю, что и мост
был другой и станция Пойлу не так
выглядела. Кура, наверное, только та-
кая же. Но я довольно слышала уже
о мосте и о взрыве и очень хочу об-
лечь прошлое в непохожую графику
сегодняшнего дня.

А полвека назад...
В феврале 1921 года взрыв поднял
мостовой пролет и швырнул в Куру
горящие балки и горящие тела крас-
ноармейцев. Бойцы положили тела
погибших товарищей на вагонетку —
скромный железнодорожный лафет —
и похоронили с воинскими почестями.
Балки подняли позже.
Соединение красноармейцев под ко-
мандованием Н. Тонмакова, успевшее

Пойлинский мост после взрыва его
меньшевниками в феврале 1921 года.
Красная Армия освободила Тифлис.

Пойлинский
мост. 1971 г.

У обелиска,
А. Асадулаев (в центре)
вспоминает
события давних лет.

Фото А. Лидова.

переправиться на грузинский берег реки до взрыва, охраняло оттуда подвиг, длившийся четыре дня.

Но рассказ о четырех днях впереди. Сначала воскресим время.

К февралю 1921 года Советская власть была уже прочной в России, уже Азербайджан и Армения были советскими. Только Грузией пытались править меньшевистское правительство Ноя Жорданиа, твердившее заклинания в «национальной верности» и вынесшее Грузию на международные торги, предлагая ее то Германии, то Франции, то Англии, то Турции, то США... Меньшевики помогали Врангелю, снабжали нефтепродуктами Антанту и взывали о помощи. Помощь была обещана, «помощь» прихотилась на иностранных штыках. А Грузия? Грузия погибала. Вот строки из газеты «Коммунист Грузии» от 5 декабря 1920 года: «Нищета и голод народных масс, особенно городских труженников дошли до высшего предела...»

И точно бег пламени по бикфордову шнуру, пронзило Грузию народное возмущение, взрывая взрывами Лорийского восстания, восстания в Гори, в других районах... Единственной партией, которая могла повести за собой народ, отстоять будущее, была партия большевиков. И народ пошел за ней. ЦК и Тифлисский комитет КП(б) Грузии оповещали: «Ледоход уже тронулся, массы уже встрепетнулись, стряхивая с себя последние следы апатии, слепой веры в уже разоблаченных (меньшевистских.— Г. Ш.) вождей».

Но извечно: разоблаченная иллюзия пытается утвердить себя кровью разубедившихся в ней. У меньшевиков были войска, поддержка Антанты. И народ Грузии попросил помощи, помощи советских республик. К восставшему грузинскому народу устремилась легендарная 11-я кавказская армия, в чье славное житие вписаны имена Кирова, Орджоникидзе, Тухачевского, Н. Куйбышева, дошла до станции Пойлу на границе Азербайджана и Грузии, до Пойлинского моста.

Меньшевики взорвали мост. Но через четыре дня по нему уже прошел красный бронепоезд «Шаумян — Джапаридзе», им командовал кавалер трех орденов Красного Знамени Семен Хмладзе. 11-я переправилась через Куру и двинулась на Тифлис.

Но до прихода в Тифлис, до шумной народной встречи на Зриванской площади были те четыре дня на Куру, на Пойлинском мосту.

Их воскрешают на второй звуковой странице подполковник в отставке Петр Алексеевич Волков, железнодорожный рабочий Асадула Асадулаев, начальник станции Пойлу Ибрагим Юсупов и профессор Академии Генерального штаба Ираклий Джорджадзе.

Галина ШЕРГОВА,
специальный корреспондент
«Кругозора»

Инна КАШЕЖЕВА

«ТРУДНО ДЕЛО ПТИЦЕЛОВА...» ЭТИ СЛОВА ЭДУАРДА ВАГРИЦКОГО МОЖНО, ПОЖАЛУИ, АДРЕСОВАТЬ И ИСПОЛНИТЕЛЯМ СОВРЕМЕННОЙ ПЕСНИ.

Десять лет на эстраде — немалый срок. Меняются ритмы, меняются моды, но по-прежнему «трудно дело птицелова...».

Это относится и к Марии Лукач. Мы слышим ее голос по радио, по телевидению, с эстрады и с пластинок. Но не всегда подозреваем, как долг путь песни к слушателю. Для Марии Лукач исполнение песен не только работа, которая обязательна, но и постоянная духовная потребность.

Певица подарила нашему слушателю греческие, итальянские, польские, румынские песни. Не шлягеры-однодневки «для успеха», а песни, которые помогают людям разных стран еще лучше понять друг друга.

Как находят призвание? Иногда сразу, иногда пробуя себя на других поприщах. Но все дороги Марии Лукач вели к песне. Не та ли дошкольница, певшая раненым в госпитале немудреные песенки, подсказала себе, восемнадцатилетней, выбор пути?

Не для этого ли проведен год на подмостках драматического театра? Не потому ли у солистки Москонцерта такой интерес к стихам, к классической музыке и книгам по балетной пластике?

Современная песня — это музыка, слово, движение.

Когда вы поставите на проигрыватель девятую звуковую страницу, то почувствуете, что за легкостью исполнения скрываются мастерство, искренность, вкус — три важнейших компонента сложной профессии певца.

Фото И. Гневашева

Слушайте девятую звуковую страницу.

ТРИЕДИНСТВО В ПЕСНЕ

пою- значит, борюсь

С. ЗЮБАНОВ

ВОТ НЕБОЛЬШОЙ ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ФАЗИИ ЯНСОН.

Маленький рурский городок Оберхаузен, в котором живут в основном шахтеры и сталевары. Демонстрация молодежи, протестующей против неонацистской национал-демократической пар-

тии. В центре этой группы женщина с гитарой. Она поет песню-протест против НДП и ее фюрера Адольфа фон Таддена.

Фазия Янсон родилась в Гамбурге. Ее отец был родом из Либерии. Нацисты отправили девочку в концлагерь. Окончание войны Фазия встретила в одном из гамбургских лазаретов. Но борьба для нее не закончилась в 1945 году.

...В мансарде четырехэтажного дома на окраине Оберхаузена, где живет Фазия Янсон, молодежь обсуждает репертуар очередного выступления певицы на митинге в рабочем квартале. Несмотря на занятость, Фазия соглашается дать интервью для «Кругозора».

— Когда вы начали петь?

— Свой первый «зонг» я выучила с помощью украинского парня Николая, кото-

рый был угнан фашистами в Германию и работал вместе со мной на лагерной кухне. Это была песня военных лет. К сожалению, фамилию Николая не помню. Знаю только, что он был родом из Одессы. Когда в прошлом году я была в Советском Союзе на фестивале политической песни, я пыталась найти Николая с помощью друзей, но безуспешно.

Цель моих выступлений — помогать борьбе. Я хочу, чтобы мои песни были моральной поддержкой трудящимся в борьбе за свои права. На собственном горьком опыте, который я получила в третьем рейхе, я знаю что такое расизм и поэтому выступаю против неонацизма, против агрессии во Вьетнаме.

— Как возникают ваши песни?..

Я включил магнитофон...

Куда же ехать?

Города я не знал. То, что изучал дома по карте, сразу же забылось. На курсах мы ездили строго по одним и тем же маршрутам, а внутрь Садового кольца не заезжали совсем. Я полз вдоль тротуаров в страхе налететь на автомобиль, сбить пешехода или пропустить сигнал светофора. Помню первого постового. Перетянутый белыми ремнями, с черно-белым жезлом, он стоял неподвижно, пристально разглядывая мою машину. Я сразу подумал, что меня остановят. Так оно и случилось.

— Что это вы так едете? — строго спросил он.

— А как я еду? — спросил я в полной уверенности, что у меня отберут права и отправят обратно в парк.

— Странно вы едете. Очень странно. — Старшина смотрел в путевку. — А, ну все ясно. — Он улыбнулся, увидев в ней фразу: «Первый выезд». — А я думаю, в чем дело? Едет вроде бы верно, ничего не нарушает, а вот видите, сразу чувствуем — что-то не то. Страшно?

— Очень.

— Ничего, пройдет. Это даже хорошо, что страшно. Желаю вам удачи, товарищ водитель. Езжайте, перевозите и ничего не бойтесь. Излишняя боязнь тоже плохо.

— Спасибо, — сказал я, и, честное слово, из многого того, что потом было со мной, хочется помнить именно это доброе напутствие старого сотрудника ОРУДа.

А. ПЕРФИЛЬЕВ

ПЕРВЫЙ ВЫЕЗД

Из записок таксиста

Но куда все-таки ехать? Свернул у Манежа, пристроился в хвост машин, стоящих у Исторического музея. Сейчас съедут. Первые. Чем ближе к голове очереди, тем сильнее волнуюсь. Трусливая мысль: по лицу увидят, что новичок, откажутся. Выстрелила задняя дверь. Двое. Пожилой мужчина, пожилая женщина. Наверное, муж и жена.

— На Zubовскую.

Первая посадка, и сразу повезло: я сам жил когда-то на Zubовской и знаю дорогу туда не хуже любого таксиста. Только вот где развернуться? Я не знал, можно ли обернуться возле гостиницы «Москва» и можно ли это сделать вокруг сквера, но что можно развернуться на площади Дзержинского — это я сообразил сразу: площадь круглая.

— А почему не здесь?

Вот и первая ошибка. Оказывается, вокруг «Москвы» можно.

— Там нет поворота, — сказал я.

— Но как же нет, когда другие поворачивают?

— Да нет же, — сказал я. — Им не туда... не так.

— А почему не здесь? — спросили они через несколько секунд. — Тоже нет поворота?

— Да, — отвечал я, стиснув зубы. — Нет поворота.

— Это уж слишком! — воскликнули они. — Куда вы нас везете? Нам в противоположную!

— Не в противоположную, а на площадь... на Дзержинского, — отвечал я, нажимая на газ, чтобы доехать до этой проклятой площади быстрее.

А. Перфильев работает шофером в автобазе «Известий». Он участник совещания молодых писателей Москвы.

— Зачем площадь? — сказали они. — Нам другая площадь, Зубовская!

— Вот к Зубовской и едем.

— Какая это Зубовская? Она там. — И они показали назад.

Ох, что тут началось!

— Во таксисты стали, — говорили они. — Им называешь Зубовскую, а они к ней спиной и дуют, и ничем их не остановишь.

Уже на Кропоткинской пошли слова: «безобразие», «позор». А на подъезде к Зубовской за моей спиной уже гремело и перекачивалось: «нахал», «хулиган», «вымогатель»!

Вот как. Сейчас же поеду в парк и напишу заявление, пусть увольняют.

...Второй пассажир — миловидная женщина, врач из городской больницы.

— Где это?

— На Ленинском.

— А где Ленинский?

— За Калужской.

— А Калужская где?

Смеется:

— Я первая?

— Вторая. Первых отвез.

— Я, еще когда к машине подходила, заметила: вот этот товарищ не так сидит и не так смотрит. А когда вы мне открыли дверь, то заметила, что вы не так и открыли ее. — Опять смеется, довольная своим наблюдением.

— Что значит не так?

— Вот когда вы в пятисотый раз сядете в машину, в трехтысячный раз откроете дверь и, может быть, в миллионный раз посмотрите на подходящего пассажира, то тогда, наверное, вы все будете делать иначе. Что я хочу сказать? Опыт предполагает отсутствие волнения, неуверенности. То есть они могут быть, но другими. Важно и знание, но не о нем речь. Опыт — это непринужденность, наименьшая потеря энергии в одних и тех же движениях. В том, как вы наклонились, взяли за ручку, нажали на нее, не было свободы, бездумия, столь показательных для опыта... Это не нам свистят?

— Нам.

— Что ж ты делаешь, братец? Нарушаешь. — Развернув мои права, инспектор покачал головой и скосил глаза на майора, который стоял в стороне и сзади.

— Извините, товарищ старшина.

— Я-то извиню, а они как? — Инспектор имел в виду машины, которым я помешал. — Смотри, что вышло. Ты сюда, и автобус сюда. — Инспектор выбросил кулаки: один кулак был автобус, другой — я.

Майор подошел и заглянул через его плечо.

— Теперь ты сюда, а он сюда. Тогда он так, а ты так. Еще бы немного... — Кулаки сошлись. Инспектор развел руки, чтобы показать еще раз, и угодил локтем в живот майора.

— Виноват.

— На рубль его. — Майор отступил на шаг.

— Вот видишь, братец? — сказал инспектор. — Рубль.

— Рубль? — спросила женщина.

— Угадали.

— Вот вам два, — сказала она, когда приехали. — Хочу оплатить ваш штраф.

Я отказался. Не хотел брать рубль и не хотел брать чаевые, которых оставалось со второго рубля семь копеек.

— Мелочи у меня нет. Берите как есть.

Я предлагал идти в магазин, разменять там, женщина улыбалась. Кончилось тем, что она бросила деньги на сиденье и побежала в ворота больницы.

— Отвезите нас в Кожухово, — сказали мои третьи пассажиры.

— Простите, — говорю им. — Я недавно работаю и не знаю.

— Нас это не интересует. Везите.

Кожухово — это где-то на западе, в районе автозавода. Начинаю спрашивать.

— У светофора повернешь.

Светофор одноглазый, «мигалка». Тот или не тот? На больших перекрестках я терялся совершенно. Множество светофоров, трамваи, троллейбусы, множество сходящихся улиц. Хочешь направо, а не дают, отжимают, приходится прямо.

— Там стена каменная, за ней и повернешь.

Но вместо одной стены было две, какая из них каменная, сразу и не разберешь, хоть выходи и щупай стену руками. А сзади кричат, сигналист, постовой спешит, и опять я не туда сворачивал. Поистине, пока я ехал в Кожухово, с меня кожу сняли. А я ее снял с пассажиров.

— На всю жизнь запомним, — сказали они. — Сколько с нас?

На счетчике стояло больше четырех рублей.

— Не может быть, — заявили они. — Никак не может быть!

И правда: четырех рублей быть не могло. Наверное, я забыл выключить счетчик еще там, на Ленинском, когда вышла женщина-врач.

— Сколько же платить вам?

Сейчас я бы легко определил расстояние, а по нему и сумму.

— Рубль. — Я боялся взять много.

— А не мало?

— Пусть будет рубль.

...Больше не помню. В тот первый день я не помню остальных своих пассажиров. Куда-то ехал, где-то стоял, кто-то штрафовал меня... Плутал на окраине. Направляли, а я сбивался. Заборы, черные корпуса заводов. Безлюдье. Наехал на старые ящики. Освобождаясь от них, наехал на брошенную садовую скамейку. Опять петлял.

Рисунок
А. Брусиловского

Помогло зарево. Оно всегда стоит над городом. В плохую погоду стоит низко, а в хорошую, безоблачную, полыхает гигантским знаменем, выросшим из земли. Поехал на это зная — и выехал.

...Механик что-то говорил мне. Я был пьян. Пьян от всего этого дня. Вернее, перевозбужден. Наконец я понял, о чем говорил механик. Где-то сбили женщину. Машина-такси скрылась, номер ее начинался с цифры нашего парка.

— У тебя ничего не случилось? — Механик сходил за переносной лампой и ткнул ногтем в следы краски на вмятине. Я сказал ему про ящики и скамейку.

— Ящики? — Механик направил лампу на меня. — Или платье?

— Платье.

— Чудак! — Механик выдернул шнур из розетки. — Как первый выезд, так, глядишь, обязательно свихнется.

— Так виноват я?

— Не знаю, — усмехнулся механик. — Кажется, нет.

Подсчитал деньги. Не хватало больше четырех рублей. Арестуют. А не арестуют, так выгонят. Шел первый час ночи. Я вышел на улицу, сел в такси и поехал домой за деньгами.

— Дурака сваял, — сказал механик, когда я, счастливый, что рассчитался с кассой, пришел рассказать ему. — Деньги можно сдать и на следующий день. Не расстраивайся, ты не первый. А что план привез — молодец. ...Домой уж не поехал. Ждал первого троллейбуса. Ходил по парку и все повторял: а план-то ты привез, молодец, молодец. Механические щетки, крутятся, оттирали и отмывали вернувшиеся машины. «А я план привез, — хотелось крикнуть. — Вот взял и привез. Молодец я!»

ПЯТЬСОТ ШАГОВ ПО ВЕРТИКАЛИ

И. ЦИБУЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент
«Кругозора»

В ОСНОВНОМ ИМ ПРИХОДИТСЯ РАБОТАТЬ ТАМ, ГДЕ КАМНЕПАД, ЛАВИНЫ, ПОКРЫТЫЕ ЛЬДОМ СКАЛЫ. ГОРНОСПАСАТЕЛИ УЖЕ В СИЛУ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НАХОДЯТСЯ В ЭПИЦЕНТРЕ ОПАСНОСТИ.

Так считал я, когда знакомился с начальником контрольно-спасательного пункта (КСП) Инсаром Пауковым. А чуть позднее, на ржавых от лишайника отвесах Адыл-Су, где была размечена трасса первенства горноспасателей Всесоюзного спортивного общества «Локомотив», Инсар сказал мне:

— Конечно, спасатель рискует, но не больше, чем альпинисты. Нам падать нельзя. Если мы идем на стену, то страуемся так, что крючья в скале остаются, не вытацишь... Преодолевал головокружение, заглядываю вниз. Вижу белую от пены нитку реки, дорогу, нашу машину ве-

личной в половинку спичечного коробка и не спешу соглашаться с Инсаром.

Конечно, бывают и более опасные профессии. Есть люди, сделавшие риск своим ремеслом. Но разницу увидеть нетрудно. Спасатели рискуют, спасая других. Их дела редко обретают известность. Именами спасателей не называют вершины и перевалы, хотя проходят они порой маршруты высшей категории трудности.

Объекты их забот разнообразны — от «снежных барсов», совершающих восхождения по непройденным маршрутам, до переоценивших свои силы любителей горных ландшафтов. Даже

смирных мохнатых кавказских осликов заносит на скалы неведомая сила. Занести занесет, а спуститься не помогает. В таких случаях горноспасатель встает на место вожака и выводит стадо в долину.

Не знаю, приходилось ли вам переживать минуты, когда всем существом начинаешь чувствовать, физически ощущать, как беспощадно и неудержимо течет время. Приходилось ли хоть раз слышать: «Контрольный срок вышел»? Слова, которые разом проводят черту между тобой и теми, кто только вчера шутил, брэнчал на гитаре и улыбался, рассказывая о «своей» вершине. Если приходилось, то вы, конечно, помните, как возле грузовика росла гряда снаряжения. Помните, как из комнаты КСП выбежали ребята в зеленых штурмовках и касках и, гремя шипами огромных ботинок, садились в машину. В такие минуты особенно остро чувствуешь, как мала эта горстка людей перед безграничной силой гор. Но ребята сделают все, что в человеческих силах, и, может быть, даже больше. Потому что для работы, которая ждет их, работы, изматывающей час за часом, день за днем, без единой ми-

нуты настоящего отдыха, порой мало обычных человеческих сил. Немногие представляют себе, что такое искать человека в горах. Это значит: нужно осмотреть тысячи скальных полон, расщелин, трещин ледника, прощупать зондом каждый метр свежих лавинных выносов. Когда ищешь, кажется, нет ничего труднее, и все же самое сложное начинается потом.

Спасатели обязаны выбирать самый короткий путь: время не ждет. Стокилограммовые носилки спускаются по скальным стенам, раскачиваясь, ползут по натянутому тросу через пропасти и горные реки, преодолевают ледопады, каменный хаос осыпей и морен. Вот путь, который будет пройден, прежде чем пострадавший попадет в кузов машины или кабину санитарного вертолета.

Горы прекрасны. Но они суровы: не прощают ошибок даже самым опытным и сильным. Неправильно выбран-

ный маршрут, выход на лавноопасный склон, «живой» камень под рукой, небрежно забитый крюк и — горы беспощадны. Тогда только героизм и мастерство горноспасателей могут помочь попавшим в беду.

Альплагерь
Адыл-Су

*Репортаж о работе
горноспасателей
слушайте
на третьей звуковой
странице.*

Горноспасатели там,
где надо помочь
попавшему
в беду человеку.
Фото Е. Моина
и автора

3

ПИАНИСТКА

ЛОТАР-ШЕВЧЕНКО

ЕСТЬ ЛЮДИ, ТАЛАНТ КОТОРЫХ ПРОЯВЛЯЕТСЯ ЛИШЬ В ИСКУССТВЕ; В ЖИЗНИ ОНИ ВАС РАЗОЧАРОВЫВАЮТ. ЕЩЕ БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ, ЧЕЙ ТАЛАНТ ВИДЕН ИМЕННО В ЖИЗНИ, — ОНИ ЖИВУТ ТАЛАНТЛИВО, ХОТЯ НЕ ИМЕЮТ ОТНОШЕНИЯ К ИСКУССТВУ. НО РЕДКО-РЕДКО ВСТРЕТИТСЯ ЧЕЛОВЕК, ТАЛАНТ КОТОРОГО ВО ВСЕМ: И В ИСКУССТВЕ, И В ХАРАКТЕРЕ, И ДАЖЕ В СУДЬБЕ.

Все значительно в жизни пианистки Лотар-Шевченко. Географические масштабы ее жизни — от Ниццы и Парижа, где она выросла, до Новосибирска, где она живет сейчас, после того как перед войной приехала в нашу страну с мужем-коммунистом. Временные — от первого выступления в самом начале двадцатых годов до наших дней. Ее учили самые известные пианисты первой половины века — Альфред Корто в Париже, Д'Альбер и Зауэр в Вене; она выступала в Нью-Йорке и Рио-де-Жанейро, в Лондоне и Берлине, играла в Ла Скала с оркестром под управлением Тосканини, заслужила публичную похвалу Романа Роллана... Она знает о счастье и несчастье, о любви и смерти, о славе и бесславии, о пресыщении и голоде, о признании и забвении. Трижды начинала она сызнова карьеру пианиста, карьеру, важное условие которой — непрерывность. Начинала с нуля, с полной безвестности, и трижды ее музыка побеждала. Она каждый день играет, каждый день. В ее словаре нет привычных нам слов «выходной», «отпуск», «бюллетень». Природа наделила ее физической силой все вынести и творческой мощью все передать в музыке... Устает она не за инструментом — без него; однажды после концерта она попросила впустить в зал толпившихся у дверей безбилетников и повторила для них всю программу.

Никто не скажет о Лотар-Шевченко, что она играет «на публику». Но пианистка не музицирует где-то в недоступной профанам вышине, не снисходит к залу, не «одаряет» его своим умением, а играет для людей. Ей необходим контакт с залом, поэтому она всегда лучше во втором отделении концерта, когда чувствует, что зал завоеван. Музыка для нее не возвышенные мечтания, не философские созерцания в кругу избранных, а что-то живое, простое, человеческое.

Послушайте, как она дерзко подчеркивает, выделяет голоса в левой руке — басы у нее так рокоуют и гремят, что иные завсегдаши концертов заходятся от негодования: «Так не играют! Где взяла она эти голоса? У Шопена их нет!» Есть! Она не меняет ни нотки, но в каждую ноту вкладывает жизнь. И на фоне этого неистовства басов, этих резких и неожиданных, порою царапающих ухо ударов, на этом громе и гуле нежные

и тихие мелодии звучат высоко и чисто, завораживают красотой, болью колют сердце... Но пианистка никогда не даст вам расчувствоваться, размякнуть, она крепко держит слушателя в своих сильных руках. Собрать воедино такие контрасты, такие противоположности — для этого надо иметь характер и неколебимые убеждения.

Игра Лотар-Шевченко вовсе не эмоциональна в привычном смысле слова; в ней не страсти, не буйство, в ней нет той модной нынче нервности, переходящей в нервозность; перед нами не ранимая всякой мелочью душа — сильный дух, цельная натура. Если можно было бы с первых нот ее «Аппассионаты» вобрать в себя воздух и выдохнуть его только с последним звуком, — это было бы, наверное, единственно правильным способом слушать Лотар-Шевченко...

Да, ее Бетховен возмущает иных, но разве это не было целью Бетховена — сердить, будоражить слух дерзостью, нарушением канонов? Прошли века, привычный Бетховен ласкает наш слух — того ли Бетховена мы знаем? В этом номере «Кругозора» Павел Антокольский читает стихи Пушкина — какого яростного Пушкина вдруг слышим мы! Стоит сравнить это чтение Пушкина с прочтением Бетховена пианисткой. Сравнение поможет понять и поэта и музыканта...

«Мелки техник», — насмешливо говорит иногда Вера Августовна, мешая русские и французские слова, — «мелкая техника».

«Мелкая техника» — сколько ее видишь подчас вокруг себя! Исполнители, играющие искусно, ровно, гладко — не за что зацепиться; иные мастера изощренной метафоры, изысканного эпитета — при самой банальной мысли, при полном непонимании сущности жизни. Мелкая техника... И как важно, как нужно, как радостно встретить человека других масштабов: широкий талант, значительную мысль, душу расширяющее искусство. Но такие встречи — испытание и каждого из нас: не утратили ли мы еще способности удивляться, восхищаться без меры и без оглядки? Можем ли мы узнать великое в нетитулованном обличье?

В феврале солистка Новосибирской филармонии Вера Августовна Лотар-Шевченко играет в Ленинграде, в начале марта — в Москве, в зале имени Чайковского.

А сегодня послушайте ее на нашей звуковой странице. Музыкальный очерк о пианистке озаглавлен строчкой из Блока: «Без слова мысль, волнение без названья...»

С. СОЛОВЕЙЧИК

Фото О. Макарова

КАБАЧОК СЕДЬМОЕ НЕБО

Т. ВОЛОДИН,
И. ДИМОВ

Как мы лично убедились, Новый год делают на телевидении примерно с мая по декабрь, и происходит это так:

ПЕРВАЯ ДВЕРЬ скрывает от нас довольно любопытную квартиру. Компания здесь сидит с самого утра. Никто не ест, не пьет и не рассказывает анекдотов.

— Товарищи, уже пять часов! Пора! Часы послушно бьют двенадцать раз. Салютует шампанское. Вся компания нерано оживает.

— Разве это праздник? — мрачно говорит небритый мужчина. — Тосна зеленая! Все виновато замолкают от режиссерской реплики и в полной тишине запечатывают шампанское.

ВТОРАЯ ДВЕРЬ распаивается сама. Вернее, ее открыва-

ет Дед Мороз, выходящий в коридор. За дверью падает снег, будто в доме нет крыши. Дед Мороз решительно скидывает шубу и, оставшись в одной рубашке-сеточке, выходит на улицу. Он жадно ест мороженое и пьет воду. Его можно понять. Жара адская, как всегда в эту пору.

ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ отирывается нехотя. В густом облаке табачного дыма сидят двое и мирно беседуют о том, что Новый год — это, конечно, мука.

Во-первых, пришлось «сократить» весь ансамбль «Дружба». Во-вторых, певца «резали по живому». А если еще учесть, что одного Тарапуньку надо заменить «другим» Тарапунькой, что Валерия Ободзинского «зарезали операторы», а еще кого-то просто «зарубили», то картина новогоднего торжества может представиться мрачной, почти злоедейской.

► Если в нашем рассказе и есть доля фантазии, то так, самая малость. Действительно, встречу Нового года артисты репетируют не один раз; действительно, в процессе монтажа снятый материал иногда основательно перекраивается. И воинственные слова «зарубил» или «зарезал» не что иное, как профессиональные термины...

Да мало ли еще есть больших и малых секретов у телевизионного Нового года.

На седьмой и восьмой звуковых страницах — Кабачок «Седьмое Небо». («Седьмое Небо» — так называется обзорная площадка на телебашне.) Здесь вы, в частности, впервые услышите уже всем известную песню «Духовые оркестры». Впервые потому, что ее по просьбе «Кругозора» призер Сопотского фестиваля Галина Куницца поет на русском языке (в переводе Льва Щеглова). Запись предоставлена нам Варшавским радио.

7

Галина Куницца.
Сцены из цветного телевизионного фильма «Вушует Маргарита»

Аида Ведищева.

8

ТЕЛЕФОН ДЛЯ ТАЛАНТОВ

М. ТАРИВЕРДИЕВ,
председатель
жюри конкурса

*Первый круг конкурса
позади.
Его лауреаты
дают маленький концерт
на шестой
звуковой странице.
Конкурс
продолжается.*

МНЕ ЧАСТО ЗАДАЮТ ВОПРОС: КАКИМ ОБРАЗОМ МОЖНО ПОПАСТЬ НА ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ КОНКУРС «АЛЛО, МЫ ИЩЕМ ТАЛАНТЫ»? НО ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВЫ НАБЕРЕТЕ НОМЕР ТЕЛЕФОНА СТУДИИ, ПРИМИТЕ, ПОЖАЛУИСТА, НЕСКОЛЬКО СОВЕТОВ.

● Старайтесь никому не подражать (пусть даже очень и очень хорошим певцам); ведь в искусстве самое главное — увидеть мир своими глазами, увидеть неповторимым, таким, каким его не видел до вас никто. Задача художника, артиста, музыканта — в обычном заметить что-то свое и поделиться радостью открытия с людьми. Мера художественного таланта и есть большая (или меньшая) глубина открытия мира.

● Будьте предельно естественными. И в жестах и в мимике старайтесь, насколько возможно, быть лаконичными: в основном художественный образ в пении выражается самой музыкой.

● Тщательно выбирайте репертуар. Не ограничивайтесь модными песенками, смелее обращайтесь к песенной классике. Есть прекрасные песни времен гражданской войны, 30-х годов, Отечественной войны, сегодняшних дней. Выбор очень велик. По репертуару жюри и слушатели судят о вашем вкусе и ваших возможностях.

● Внимательно относитесь к стихам песни (я намеренно

избегаю слова «текст»). Песня — это синтез поэзии и музыки. Слова следует произносить внятно, не коверкать, делать правильные ударения. Уважайте свой родной язык — без этого не может быть искусства. Вот, пожалуй, и все. Скажу честно, эти рекомендации очень легко выполнимы для тех, кто обладает талантом. Если вы считаете, что у вас все в порядке, то милости просим звонить — московский телефон 181-77-11.

Победители телевизионного конкурса «Алло, мы ищем таланты» Татьяна Шихова (инженер из Казани), Виктор Петренко (студент из Ивано-Франковска), Владимир Зотов (военнослужащий из Калининграда).
Фото Л. Лазарева.

АЛЛО... АЛЛО... АЛЛО

А. Баталов,
народный
артист РСФСР.
«Время страстей
человеческих»
(№ 11).

М. Довжик,
бригадир совхоза
«Шуйский»,
Казахской ССР.
Звуковой
монолог
«Во имя
горячего
лета» (№ 3).

Я. Френкель,
композитор.

И. Шаферан,
поэт.

О. Фельцман,
композитор.

Музыкальный
цикл
«Песни
о пустыне
Кызыл-
Кум»
(№ 9).

Кругозор

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ
Год основания — 1964
1 (82) январь 1971

слушайте

В

номере

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой
странице обложки:
«Флейта и горы».
Художник А. Гамбург

1. Черта характера. «Законы сердца». Рассказ председателя сельсовета А. Е. Крапивинной.

2. Голоса нашей биографии. «Четыре героических дня». Реставрация события 1921 года.

3. «Над пропастью Адыл-Су». Наш корреспондент — в отряде горноспасателей.

4. Стихи А. С. Пушкина читает Павел Антокольский.

5. Наши премьеры. Солистка Новосибирской филармонии В. Лотар-Шевченко. Фрагмент сонаты Бетховена № 32.

6. Первая пластинка. Поют В. Петренко, Т. Шихова, В. Зотов; И. Понлад, И. Борах, «Кохана»; А. Мажуков, Л. Васильева. «Все до поры»; О. Фельцман, Н. Олев. «Три минуты молчания».

7—8. Гости Кабачка «Седьмое Небо»: М. Кристалинская, ансамбль московских школьниц, М. Иванов, А. Ведищева, Л. Лещенко, Г. Куница — исполняют песни композиторов А. Пахмутовой, А. Кремера, В. Купревича, Я. Станиславского. Ведущий — Д. Иванов.

9. Поэт Мария Лукач. Э. Хаггортян, Л. Серастанов. «Журавли»; Д. Тухманов, С. Островой. «Гуцулочка».

10. Песни-борцы. Фазия Янсон и ее зонги.

11. Музыка для отдыха.

12. Эстрада планеты. Бразильский певец Вильсон Симонал: «Падает дождь», «Я так тебя люблю», «Глупый солдат».

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
А. Г. Луцкий
Техн. редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Королева, 12.

Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Сдано в набор 2/XII 70 г.
В 05482. Подп. и печ.
22/XII 1970 г. Формат
бумаги 60 × 84^{1/2}.
Усл. п. л. 1,24.
Уч.-изд. л. 2,03.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 2645. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным Домом
радиовещания и звукозаписи

Редакционная
коллегия
журнала
«Кругозор»
отметила

премиями
лучшие
материалы,
опубликованные
в 1970
году.

Т. Винокурова,
журналистка.
Звуковые
страницы
о А. Грине,
Л. Кулешове,
о театре
в Паневежисе
(№ 8, 9, 10).

С. Красаускас,
заслуженный
деятель искусств
Литовской ССР.
Обложка
«Кругозора»
№ 10.

На
одиннадцатой
звуковой
странице
слушайте
вечерние
ритмы

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

ВИЛЬСОН СИМОНАЛ

12

Бразилия

Последний фестиваль эстрадной песни в Рио-де-Жанейро несколько разочаровал публику. Главным образом потому, что звезда бразильской эстрады Вильсон Симонал на сей раз выступал лишь в роли председателя жюри, уступив свое место на эстраде менее известным певцам. Все вечера, пока шел конкурс, поклонники Симонала не упускали случая посяндровать его имя: им не терпелось вновь послушать певца, и, когда наконец в последний день фестиваля он все же сменил фрак на свою, так хорошо знакомую бразильцам белую рубашку на выпуск и подошел к микрофону, зал зашумел. На другой день пресса отмечала, что Симонал преподавал наглядный урок участникам фестиваля, как надо покорять 30-тысячную аудиторию. Слушатели подпевали ему, когда он хотел, замирали, когда требовал Симонал, неистово аплодировали его песням, когда он разрешал.

Путь любого эстрадного певца на большую сцену часто зависит от случайности. Вильсон Симонал пел с детства. Решающим стало выступление в крупнейшем зале Рио-де-Жанейро «Канекон». В тот вечер молодой певец завоевал симпатии бразильской публики.

Меня Симонал и покорил не только своим красивым, сочным голосом, отличной техникой исполнения, полной слитностью с оркестром — все это, несомненно, сразу подкупает слушателя. Артист владеет даром особого контакта с публикой. Он изящно движется по сцене, пританцовывая в такт музыке; движения гибкие и пластичные: иногда он делает замысловатые па, пируэты, стремительные выражи... Симонал запел — и публика притихла.

Цена 1 руб.

Игорь ГОРАНСКИЙ